

Глава 17. Смятенные души, потерянный покой

В кабинете стояла напряжённая тишина. Линь Хай мерно постукивал пальцами по столешнице, нахмурив лоб и погрузившись в глубокие думы. Стоявший чуть поодаль Линь Чэн не смел нарушить этого молчания ни единым вздохом.

В юности Линь Чэн был личным слугой хозяина. Иные тайны, ускользавшие от взора самого господина, слуга подмечал безошибочно. Но челяди не пристало лезть в дела благородных, а потому он держал язык за зубами. Ни живой душе не обмолвился, даже родной матери — и всё же старая госпожа каким-то образом обо всём разузнала. Воспоминание об этом заставило Линь Чэна помрачнеть. В душе его шевельнулась тревога за хозяина.

Наконец Линь Хай нарушил молчание:

— Говоришь, они остановились на постоялом дворе?

Линь Чэн торопливо опомнился и почтительно склонил голову:

— Всё так, господин. Я лично всё разузнал. Их там десятка полтора, прибыли в Янчжоу вчера на закате. Сейчас занимают комнаты на постоялом дворе Тунфу.

Линь Хай едва заметным кивком отпустил слугу. Оставшись в одиночестве, он бессильно откинулся на спинку кресла. Навалилась глухая, изматывающая усталость.

Нужно было решить, как поступить дальше. Великий князь и юный принц ютятся в безликом трактире — невысказанно, позор для принимающей стороны. Но пригласить их в усадьбу? Линь Хай не представлял, как сможет смотреть ему в глаза.

Чувство вины? Или нечто большее? О некоторых вещах думать уже не имело смысла. Те дни следовало давным-давно похоронить в памяти, списать на безрассудство бурной молодости. Столько лет он твердил себе это, внушал, что всё прошло. И всё же в глубине души тоска оставалась жива. Стоило вчера мельком увидеть его лицо — и сердце болезненно сжалось. Старые раны закровоточили с прежней силой. Забыть не получилось.

Линь Хай закрыл лицо ладонями. В это мгновение он не был ни столпом государства, направляющим чиновников Цзяннани, ни мудрым сановником, чьё слово ценил сам государь. Перед невидимым зрителем предстал лишь уставший, бесконечно одинокий человек.

Но минутная слабость пройдёт, и он снова вернётся к своей роли. Станет безупречным слугой престола и заботливым отцом.

Пока Линь Хай томился душевной мукой, в другой части города гость заливал тоску вином. Сыту Жуй порой презирал себя за глупость. Что он нашёл в этом человеке? Для Линь Хая семья, долг, преданность трону — всё стояло на первом месте. Самого же Сыту Жуя в этой табели о рангах просто не существовало. Ему там не нашлось угла.

Он пил чашу за чашей, но хмель не приносил забвения, лишь растравливал раны.

Сыту Юй, наблюдавший из глубины галереи за дядей, стоявшим посреди двора с кувшином вина, недовольно нахмурился. Вмешиваться в дела старших принцу не пристало, но ведь император отправил его в эту поездку не просто так. Позволять прославленному полководцу беспробудно пить на глазах у челяди было никак нельзя.

— Сколько вельможный дядя уже выпил? — негромко спросил Сыту Юй у стоящего рядом стража.

Тот, будучи верным оруженосцем Сыту Жуя, ответил с явной тревогой:

— Ваше Высочество, почитай, половину кувшина в одиночку осушил.

Кивнув, Сыту Юй неторопливо сошёл по ступеням в сад. Сыту Жуй уловил шаги за спиной, поднял затуманенный взор и предсказуемо увидел племянника. По правде говоря, великий князь прекрасно понимал, какие думы бродят в голове у царственного брата, но подыгрывать не собирался. Родственные узы в их семье хрупки, словно тонкий лёд, и проверять их на прочность — затея глупая. Поэтому всю дорогу до Янчжоу он держался ближе к малолетнему Сяо Цзиню, почти не расспрашивая старшего племянника о делах.

Глазея на хмельного мужчину, Сыту Юй отказывался верить, что перед ним высится Бог войны. Такое малодушное уныние казалось юноше верхом глупости.

— Седьмой императорский дядя, вы хмельны, — почтительно, но твёрдо промолвил принц. — Позвольте мне приказать слугам проводить вас в покои.

Разгадав пренебрежение, столь тщательно скрываемое за учтивым тоном, великий князь снисходительно усмехнулся. Молод ещё, горяч. Хотя надо отдать племяннику должное: сам Сыту Жуй в его годы не умел держать лицо с такой безупречной миной.

Сыту Жуй на миг прикрыл веки, а когда разомкнул их снова, от напускного хмеля не осталось и следа. Его взгляд сделался настолько острым и пронзительным, что Сыту Юй невольно отступил на полшага.

подавив минутное замешательство, первый принц поклонился:

— Раз вы в полном здравии, дядя, то позвольте мне откланяться.

Сыту Жуй усмехнулся:

— Тебе тоже пришлось несладко в этой поездке, племянник. Завтра заберём Сяо Цзиня из Поместья инспектора соляного надзора и двинемся обратно в столицу. Там и отдохнёшь как следует.

В глазах Сыту Юя на мгновение блеснул огонёк.

— Лишь бы моё присутствие не обременяло вас, дядя, — ровно отозвался он. — Перед отъездом батюшка повелел во всём полагаться на вашу волю. Так что спешить нам некуда.

Возвращаться в столицу юноша не торопился. Слишком уж занимательная особа повстречалась ему накануне.

Сыту Жуй смерил юношу долгим, пронизывающим взглядом, но продолжать спор не стал, лишь разрешил идти отдыхать. Сам он пить тоже прекратил. Что такое полкувшина для бывалого воина? Так, забава. Захмелеть он мог лишь тогда, когда сам того желал.

Тяжело вздохнув, великий князь приказал слугам убрать со стола.

Проведя ночь без сна, Линь Хай наутро выглядел на удивление собранным. Все ночные терзания он глубоко запер в душе. Ранним утром он, как обычно, отправился в управу, но посреди доклада прибежал взмыленный слуга: у ворот усадьбы объявились высокие гости.

Отложив свитки с делами, Линь Хай ощутил странное облегчение — словно гора с плеч свалилась. По крайней мере, неопределённость кончилась. Чем быстрее они объяснятся, тем лучше.

Но стоило ему переступить порог приёмной залы усадьбы, как он помрачнел. Посреди комнаты стояла Дайюй. Меньше всего на свете он желал, чтобы дочь оказалась втянута в его личные драмы.

Девочка и сама была не рада здесь оказаться. Виной всему был шестой принц Сяо Цзинь. Едва проснувшись, этот егоза прицепился к Дайюй с играми, а прослышав, что за ним прибыли родственники, без лишних церемоний потащил её за собой в парадный зал — хвастать перед царственным братом. Против воли императорского отпрыска слуги пойти не смели. К счастью, оба были ещё в том нежном возрасте, когда строгие правила приличия позволяли им общаться без ширм. Иначе челядь Линей костями бы легла, но не пустила бы взбалмошного мальчишку к молодой барышне.

На главном месте вальяжно расположился Сыту Жуй. Чуть поодаль сидел отрок лет

тринадцати-четырнадцати на вид — надо полагать, первый принц Сыту Юй, прибывший вместе с дядей.

Линь Хай вошёл в залу и сдержанно поклонился гостям:

— Смиранный слуга приветствует Князя Жуя и Его Высочество первого принца.

Затем он резко повернулся к стоявшему у дверей управляющему:

— Линь Чэн, почему барышня до сих пор здесь? Живо проводи её в девичьи покои!

Дайюй, заметив грозовую тучу на лице отца, не посмела перечить. Быстро присев в поклоне, она поспешила к выходу.

Но Сяо Цзинь надулся и вцепился в рукав Дайюй:

— Зачем сестрице уходить? Пусть останется, нам ведь весело!

Линь Хай помрачнел ещё сильнее. Сыту Юй украдкой покосился на дядю. Тот хранил ледяное молчание. Поняв, что великий князь вмешиваться не станет, первый принц взял инициативу в свои руки и строго прикрикнул на брата:

— Прекрати, Сяо Цзинь! Не смей бездельничать и распускать руки. А ну отпусти Девуцу Линь!

Перед старшим братом озорник робел, а потому нехотя разжал пальцы. Однако тут же обиженно пробурчал под нос:

— Но ведь седьмой дядя сам вчера говорил...

Мальчуган с надеждой уставился на Сыту Жуя, прося поддержки, однако великий князь созерцал узор на полу с таким безучастным видом, словно разыгравшаяся перед ним сцена его нимало не касалась.

Линь Хай был в ярости. С трудом сдерживая гнев, он сделал Дайюй знак уходить. Девочка, не на шутку испуганная видом разгневанного родителя, поспешно ушла, опираясь на руку служанки Бань-ся.

Как только за дочерью закрылась дверь, Линь Хай повернулся к царственным гостям. В его голосе звенел металл:

— Смею спросить у Ваших Высочеств, какова цель вашего визита в Янчжоу? Если сугубо

государственная нужда требует содействия моего ведомства, я готов исполнить долг. Если же иных дел у вас нет, то особам столь высокого звания негоже задерживаться на окраинах. Безопаснее будет поскорее отбыть в столицу.

В иное время искушённый в этикете Линь Хай ни за что не позволил бы себе подобной дерзости. Но выходка малолетнего принца окончательно исчерпала его терпение. Разыгрывать чинную комедию сил больше не оставалось.

Сыту Жуй молча созерцал эту вспышку тщательно подавляемой ярости, а затем внезапно откинул голову и громко, раскатисто расхохотался. Линь Хай застыл в изумлении. Сыту Юй тоже недоуменно уставился на дядю.

"Неужто от ярости рассудком повредился?"

Смех великого князя гулким эхом разносился под сводами залы. Наконец, вдоволь отсмеявшись, Сыту Жуй умолк и в упор посмотрел на хозяина дома:

— Неужто господин Линь выставляет меня за порог?

Поведение Сыту Жуй казалось необъяснимым и оттого вдвойне опасным. Линь Хай внутренне подобрался и сухо ответил:

— Великий князь изволит шутить. Разве посмеет ничтожный чиновник чинить препятствия члену императорского рода?

Сыту Жуй лукаво и хищно усмехнулся.

— Не посмеет, говоришь? В таком случае, достопочтенный господин Линь наверняка не откажет мне в любезности и позволит погостить в его усадьбе несколько дней?

Он впился взглядом в лицо Линь Хая, обжигая яростным, нестерпимым жаром.

Он переменялся в лице. Он стиснул зубы, и на его скулах заходили желваки.

— Для меня это великая честь, — выдавил он сквозь зубы. — Я немедленно велю приготовить для вас лучшие покои.

Бросив эту фразу, он почти бегом покинул залу, оставив ошеломлённого Сыту Юя и недоуменно хлопающего глазами Сяо Цзиня.

Не обращая внимания на недоумённый взор старшего племянника, Сыту Жуй поманил к себе

младшего:

— Ну что, Сяо Цзинь, нравится тебе здесь?

Мальчик радостно закивал:

— Очень нравится! И сестрица Дайюй славная, только она почему-то со мной играть не хочет.

Погладив его по голове, Сыту Жуй мягко промолвил:

— Это с непривычки. Вот поживём тут подольше, сдружитесь — и она тебя полюбит. Раз так, останемся здесь погостить, ладно?

— Вот здорово! — забил в ладоши Сяо Цзинь. — Как дядя скажет, так и сделаем!

Слушая их щебетанье, Сыту Юй лишь тяжело вздохнул. Ещё вчера дядя рвался обратно в столицу, а сегодня вдруг решил остаться. Поистине, его причудам не было числа. Юноша даже проникся сочувствием к несчастному Линь Хаю. Тот слыл верным человеком императора, но на свою беду умудрился задеть за живое этого непредсказуемого упрянца.

Сыту Юй был уже достаточно взрослым, чтобы понимать намёки. В столице давно поговаривали о нравах пятого дяди, князя Чжуншуня, который не делал различий между мужчинами и женщинами. Догадывался юноша и о том, какая связь некогда объединяла великого князя Жуя и инспектора соляного надзора.

"Чего же добивается батюшка, отправляя меня в эту поездку? Какую роль мне надлежит сыграть в этой чужой драме?"

Вылетев из приёмного зала, Линь Хай вихрем пронёсся по переходам усадьбы и лишь в дальнем конце сада сумел перевести дух. Тенью следовавший за ним Линь Чэн только теперь осмелился подать голос:

— Господин, какие будут приказания?

Именитые гости пожелали остаться, а значит, требовалось спешно обустроить их быт.

Линь Хай устремил взор в пустоту и глухо произнёс:

— Вели спешно прибрать Сливовый сад. Пусть вычистят там каждый угол. Как только закончите, пусть гости располагаются.

Линь Чэн поклонился и уже развернулся, чтобы идти исполнять волю хозяина, как тот окликнул его:

— Погоди.

Управляющий застыл в ожидании. Линь Хай немного помолчал, словно взвешивая решение, и добавил:

— Поручи заботу о Сливовом саде матушке Лю. Под её присмотром слуги не посмеют нарушить приличия.

Голос хозяина звучал безжизненно, но Линь Чэн опустил голову ещё ниже, безмолвно соглашаясь, и поспешил прочь.

Проводив слугу взглядом, Линь Хай помрачнел. Он ещё долго стоял, вглядываясь в ту сторону, где высилась крыша приёмной залы. Наконец из его груди вырвался тяжёлый вздох. Отыскав глазами дежурного слугу, он велел:

— Иди к господину Гу. Передай, что у меня возникли неотложные дела в управе, и попроси его развлечь наших гостей. Ступай.

Слуга поклонился и исчез в переходах. Линь Хай же, не заходя в дом, покинул поместье и отправился обратно на службу.

<http://bllate.org/book/18189/1758020>